

Дети войны

В память об исчезнувшей деревне

В год 75-летия Великой Победы редакция продолжает публикацию документальных рассказов самодетельного автора Людмилы Коноваловой

Её воспоминания – о жизни деревни в военные годы. Страшные события тех лет, врезавшись в детскую память, стали ещё одной документальной страницей в истории трудового подвига народа.

В 75 лет я издала книгу «Родословная. Память», где собрала детские впечатления о деревне Зайцево-Нагорное. Наша деревня – самая красивая. Как-то незаметно это детское восприятие красоты стало исчезать. Как только узнала буквы, просила мамушку диктовать письмо отцу на фронт. Под диктовку мамушки, неграмотной колхозницы, писала письма родным и знакомым. Потом научилась выражать свои мысли. Так радовалась, когда получала ответ! Меня интересовало, как живут родственники в Сибири, в Зауралье. Какие у них постройки, природа, уголья, и, главное, как они пережили войну? Узнала, что дома у них покрыты тёсом. Значит, богато живут. А в нашей деревне все дома покрыты ржаной соломой и ни одного с тесовой крышей. Потому что нет леса. Описывают, какая у них река и как они удят рыбу. В войну рыба была для них подспорьем. У нас же мелкая по колено речка Зайчиха, где мы в войну решето ловили пескарей. Оказывается, моя деревня не самая красивая. Пустынь. Был небольшой лесок, но в первый год войны женщины с детьми вырубали его на дрова.

Нет леса, значит, нет грибов, ягод и нет никакой дичи. Не видела я зайца, лису, волков, но слышала вой по ночам. Бежали волки от войны из карельских, смоленских, может, из белорусских лесов. Зимой, голодные, нападали даже на запоздавших путников. В нашей деревне, да и в соседних, всех собак задрали. Душили кур, ягнят в хлевах.

По переписке с родственниками поняла, что в войну и они голодали. Как было трудно жить в нашей деревне без леса!

Голод не так страшен, когда натоплено. В холодной же избе, когда под ложечкой сосёт, никакие сказки мамушки не усыпляют

Дрова, привезённые из леса за 10 километров на трёх быках, председатель колхоза Никифор Иванович на весах развешивал. Подростки тут же распиливали чурбаки. Охапка дров! Это разное потепление избы. Женщины у себя в хозяйстве разбирали амбары, сараи, чтобы не заморозить голодных детей. Наледь на окнах не сходила до весны. А зимы-то в войну были такие морозные! Птицы на лету замерзали. Вот соберутся женщины у Прасковьи, нагреют своим теплом избу, посидят, поговорят:

– Да неужто наши мужики в такой-то мороз воюют?

– А то! Знамо дело, Гитлерюгу гонят.

Почитают письма-треугольнички, помолятся – и по домам. В свою нетопленную избу, на русскую печку, нагретую под одеялами детишками.

Перепилили на дрова и заборы.

Людмила Коновалова

– Ну уж и пилить больше нечего, – жаловались они Никифору Ивановичу. Председатель был согласен возить дрова из леса летом, но вот загвоздка: где хранить?

– Дак ведь вы, бабоньки, мои красавицы, растащите дрова-то, как пить дать растащите!

– Знамо дело, растащим, – смеялись женщины. – Ведь и летом надо печь протопить. Это не колоски, чать за дрова ещё статью не придумали?

– А ты попробуй: каждой – по возу, и чтоб зимой не пикнула, – предложила Дуня.

Всё же назначил быков на летнюю заготовку дров. Голодные женщины, работавшие на гумне, не смели даже в кармане горсть зерна голодным детям принести. Боялись позора, боялись статьи, боялись тюрьмы. Никто из наших женщин-матерей не загремел по статье. Весь урожай до зёрнышка сдавали государству: всё для фронта, всё для Победы. Нашей деревенской женщине низко кланяюсь за её терпение, стойкость, за её мужество!

Колхоз организован был до войны. Коллективизация проходила мирным путем, но с запозданием. Наши люди – потомки крепостных крестьян, верующие, по-божески смиренные люди. Другие колхозы ошибок понаделали, а мы, запоздавшие с организацией, учились на ошибках. Надо же было такую глупость допустить: уток, гусей обобществляли! В нашей деревне кроме кур никакой птицы не держали. Уткам, гусям нужна вода. А у нас речушка – дай бог бельё прополоскать да набрать на поливку грядки. Потому и кур на колхозный двор не забирали, да и последнюю корову у детей не отбирали. А вот лошадей всех – на колхозный двор! А лошадей-то по пальцам перечесть. Шибко богатых в деревне не было. Вот только Андрей Савельевич Чистяков и мой прадед Яков Степанович Коновалов очухались после крепостного права и встали на ноги. При организации колхоза их мололи, как в жерновах, признали крестьянами-середняками, слава богу, что не раскулачили. Мой прадед из крепостных графа Воронцова был коновалом и

лекарем-травником. После отмены крепостного права стал заниматься разведением породистых лошадей. К началу XX века имел табуны, стал зажиточным крестьянином. Отдавал своих коней на войну империалистическую, на войну гражданскую. Несколько лошадей оставалось для нужд единоличного хозяйства. В колхоз вступила вся семья. И дед отдал двух коров и последних четырёх лошадей. И стали Коноваловы как все.

Тяжело было жить безлошадному крестьянину-единоличнику. Беднейшие крестьяне с радостью вступили в колхоз. На работу шли с флагами, с революционными песнями.

А 104-летний мой прадед сказал: «Любую власть надо принимать как Богом данную»

Он всё отдал новой советской власти и колхозу. «Да не оскудеет рука дающего!» – наставлял своих внуков очень верующий дед.

Вспоминаем, как вступал в колхоз беднейший из бедных Аким. У Акима полная изба детишек и одна коровёнка. Под нажимом уполномоченных за организацию колхоза Аким в колхоз вступил. А вот корову отдать в колхозное стадо, одну единственную, не смог. Утром идёт на колхозную работу и ведёт корову. Вечером, отработав на поле, забирает свою кормилицу и ведёт домой. Подоит её, накормит своих детишек и опять утром на работу – он же теперь колхозник! Председатель за голову хватается, боится, как бы ему по шапке не дали. Он обязан сообщить начальникам, а те – вышестоящим, которые уже получили по шапке от Сталина за различные перегибы. И дело, говорят, дошло до Сталина. Вождь будто бы признал, что много ошибок допустили, постановив: корову у детей не забирать! И пошли колхозники за своими коровами на колхозный скотный двор, и благодарили Акима. «Ну, упорный ты, Акимушка, вырвел свою корову у Сталина! Что бы мы делали без тебя?» – радовались бабы. Это был 1937 год.

Урожаи до войны были хорошие. На трудодни колхозники получали хлеб. Радовались, что и в колхозе можно жить, если работать в коллективном хозяйстве по совести. Бедняки наконец-то почувствовали себя хозяевами земли, накормили своих многочисленных детей, запаслись хлебом. Колхозник воспрянул духом. А тут война. Деревни в нашем районе через три-пять километров. В каждой – свой колхоз. Председатель ой как берёт свои земли! Молодёжь, 15–17-летних, как заканчиваются полевые работы в колхозе, с октября по март призывали на лесозаготовки на Сяву, Вахтан, Сухобезводное.

Дрова нужны для города: детским садикам, больницам, паровозам. Весь хлеб с полей отдавали для фронта. Сами колхозники выживали за счёт земельного участка в 50 соток. Огурцы, помидоры, капуста, но в основном картошка. Да, если бы картошка, можно было бы жить. Но сами голодали, а картошку отдавали корове. Каждая семья стремилась держать корову. Но председатель так берёт землю под зерновые, что выпасов для скота почти не оставалось. По угорам да по берегам речки вся трава до земли выщипана. Коровы приходили домой голодные. Я, шестилетняя, в большую корзину собирала траву для хлеба: крапиву, щавель, кашку, клевер, лебеду – всякую траву для коровы. Пыреем, осокой, брюквой да турнепсом мама подкармливала её, приговаривая: «У коровки молочко на язычке». Да в пойло немного картошечки положит. Только благодаря молоку нашей Пеструхи мы выжили.

Уж так не лезут в горло травяные лепёшки! Но их ещё можно проглотить, запивая молочком, а вот хлеб из дуранды – так женщины окрестили льняной жмых... Уберёт мама налипший мусор, перья птиц, размелет на жерновах, добавит довоенной мучки, состряпает хлеб. А он и с молочком в горло не лезет. Голодные женщины на травяных лепешках да с бутылкой молока работали от зари до зари на покосе, на жатве. И так все четыре военных года.

Мы – дети войны, дети крестьян-бедняков и середняков – вспоминаем со слезами на глазах и организацию колхозов, и войну, и голод. Вспоминаем Наташу с детьми, эвакуированную из блокадного Ленинграда. Кожа да кости – в гроб краше кладут, по выражению деревенских женщин. В деревне есть травы, картошка какая-никакая, своя или из грязной земли, на колхозном поле перезимовавшая. Но если есть молоко, не умрём! Наташа поднимала наш дух. Женщины любили её, помогали, чем могли, хотя сами голодали. Наташе дали швейную машинку, и она из старья перелицовывала, шила пальтишки детям. Наконец, радость для всей деревни: Ленинград освобождён! Наташа с детьми уехала весной 1944 года. Женщины плакали, собирая её в дорогу.

И после войны не сразу стали есть досыта. Продолжались лесозаготовки. «Дрова – городу! Надо крепить завещанный вождём союз рабочего класса и крестьянства. Город без деревни не выживет, вы должны помочь рабочему классу! Восстанавливаются разрушенные войной города, заводы, вся надежда на колхозников!» – на каждом собрании призывают партийные начальники.

Мы уже в нитку вытягиваемся, а нам опять: должны, должны, должны... Налоги платим: 300 граммов шерсти, 100 штук яиц, 130 литров молока летом – отдай, не грехи. Да будет ли когда-нибудь отдушина для нас, колхозников? Ведь мы покупаем сеялки, веялки, молотилки, косилки и другую технику. Колхоз готовит кадры для города.

Перетекли наши ребята после службы в Советской Армии на стройки народного хозяйства, некоторые – даже не показавшись в деревне

Бетонщики, арматурщики, электрики, трактористы... С вербовщиком тайно уходили ребята. Паспорта у колхозника не было, а справку председатель не даст. Председатель колхоза как огня боялся в войну НКВД, а теперь – вербовщика. И поехала колхозная молодёжь «на города».

Вот такая история об организации колхоза, о войне, о голоде, о восстановлении разрушенного войной народного хозяйства, вербовщиках. Не уберёт свою молодёжь председатель.

Март 1954 года, целина. Призыв партии и правительства СССР к молодёжи и комсомольцам: «Поднять целинные и залежные земли!» Так перетекла наша молодёжь на целину в Казахстан, Башкирскую АССР. Где крепкие наши ребята Коструковы, Березины, Смирновы, Малинины, Лебедевы? Они патриоты своей Родины – их партия позвала. Моя старая бабка старается оправдать сбежавших из колхоза: «Ну, им же не разорваться! Вспашут старые, залежные земли да, поди, и домой вернутся». Нет. Увезли они из родной деревни своё молодое, горячее сердце и не вернулись.

«Плетью обуха не перешибёшь», – сетовали наши предки в бедности. «Что же вы рубите сук, на котором сидите?» – взывал председатель колхоза Леонид Иванович Дружинин. – Нет молодёжи – нет деревни!»

Вот так исчезли 38 деревень только в одном Шахунском районе Нижегородской области. Исчезла, захала без молодёжи и моя деревня Зайцево-Нагорное.

Людмила Коновалова